

«Так учись же подниматься...»

Не обещал быть нужным и полезным,
А на снегов нетронутым холсте
Сил не щадя, я путь тащил железный
По бесконечной вечной мерзлоте.
И потому стихов на диво мало
Я там несуетливо сочинил,
И не спешил носить их по журналам,
Чем тоже пользу приносил.

Вот так, несколько иронично и как-то вроде бы отстраненно, словно бы сдерживая себя, вспоминает Олег Головка бамовскую свою молодость. Стихи эти я прочитал в книжке, которую прислал мне автор с родной своей Украины. «Струны тайги» (Харьков, издательство «Прапор», 1988) наполнены музыкой встреч и расставаний, из которых соткана жизнь транспортного строителя, железнодорожника, члена Союза писателей СССР поэта Головка.

Нелегко шла к читателю эта книжка. Долго собирались воедино стихи, что-то из написанного ранее переосмысливалось в потоке нашего бурного времени, подвергалось требовательной редактуре, от чего-то и вовсе пришлось отказаться. Но основной запас стихов был создан в Тынде 70-х годов.

Какое же горячее это было время! БАМ призвал под свои шумливые знамена дерзкую молодость, мало заботящуюся о бытие, но зато напряженно размышляющую о человеческом бытие. Вокруг Головка сразу же возникло сильнейшее поэтическое поле притяжения. Не буду перечислять имена, но скажу, что в той или иной степени все бамовские поэты достопамятной (и уже исторической) поры могут и считают себя литературными «детьми Головка». Руководимая им литстудия «Звено» получила всесоюзную известность.

В свою пору поэт покинул стройку, вернулся на прежнее место работы в Кременчуге, где вначале подготовил рукопись книжки стихов на родном украинском языке и вскоре издал ей («Поїзди надії»,

Київ, «Радянський письменник», 1984). Не беруться сравнивать эти две книги, отмечают лишь их тематическое единство и ощутимо наблюдаемую диалектику взросления души.

И когда поэт пишет, что перестройка нам нужна для «очищения и спасения», эти слова воспринимаются не как конъюнктурная фраза, а звучат выстраданно. Ведь и в бамовских разделах обеих книг (они названы «Багульникове диво» и «Тында») наряду со стихами романтического наполнения («Город», «Десант на Кувыкту», «Ночная укладка» и им подобные) пусть в меньшей степени, но встречаются стихи-раздумья. В них поэт от репортажа переходит к философскому осмыслению того большого бамовского дела, которое теперь видится на расстоянии. Среди них «Мы старую Тынду сносили...», «Свадьба», «Хариус», «Вечная мерзлота», «Объяснение».

Олег Головко, размышляя о ранимости дальневосточной природы, о невольных (и сознательных тоже) просчетах и ошибках строителей, озабочен все-таки тем, чтобы в читателе-современнике не пропало редчайшее и благородное качество — отзывчивость души на чужую боль, которая, если разобраться, в нашем взаимосвязанном мире не такая уж и «чужая». Особенно звучит этот мотив в стихотворении «Неудачникам», продолжающем тему «Стихов об отставших пассажирах».

Коль живешь ты, ошибаясь, —
Не печалься и не плачь.
Коль идешь ты, ушибаясь,
Это школа неудач.

Выступает поэт Олег Головко.
Благовещенск, Дом молодежи, 1979 г.

Так учись же улыбаться
Перед строем неудач,
Так учись же подниматься
По ступенькам неудач.

Верный своему жизненному максимализму, поэт и теперь зовет нас «в дебрях века крутого» сотворить «проспекты Доверья в городах Доброты». Завидное постоянство среди иных литераторов, впавших в скептический полусон, брюзжащих исподтишка о том, что-де они поглядят, как это все получится «у них» с перестройкой. Головко изначально был против подобной сторонней позиции, об этом он заявил сразу же по приезде на Амурскую землю во время разворота строительства БАМа:

Вы придите к нам,
Когда сил в обрез.
Вы придите к нам,
Когда сон исчез.
И когда берет
Душу грусть в тиски,
Выручайте нас
От глухой тоски...

Взрывать стереотипы косного мышления — во все века первейшая задача поэтов. Есть такая попытка в стихах «Славутич», где не замолкает эхо трагедии Чернобыля, «Когда бездумно возвели реке плотину...», «Это так на роду у поэтов...», «Итак, да здравствует прямая...». В последнем стихотворении, к примеру, поэт полемизирует со своими старшими собратьями по писательскому цеху, воспевавшими в свое время кто угол, кто овал. Продолжая метафорический ряд, Головко хочет из «нерешительности овала» и «тупости угла» вызволить прямую линию, вернуть ей первородство нацеленности.

Еще Достоевский провозгласил, что мир спасет красота. Творческий завет классика упал в раскрытые сердца, и многие из них отозвались, как это сделал и Головко, утверждающий по-своему, так, как он видит и понимает: «Неустойчив этот мир на трех китах — есть надежнее опора — красота!» Эти стихи — спор с символами мещанского, застойного понимания человеческого благополучия. Не случайно рядом в книжке стоит «Ода саду», в которой живописуется, как в недоброй памяти годах рубили деревья (подлежавшие обложению налогом. — *И. И.*), а теперь

живет и цветет «грушевый да яблоневый, ореховый да ягодный зеленый народ»). И вообще лирические стихи Олега стали для меня некоторым откровением, они добавили новые краски на его творческую палитру, мажорное наполнение строчек обогатилось оттенками и полутонами.

Полагаю, что книготорговые работники нашей области обратят внимание на новый сборник, вышедший далеко от Приамурья, и позаботятся, чтобы часть его тиража попала и в наши книжные магазины.

Вообще, лично для меня своеобразной «визитной карточкой» поэта, мерилом его человечности являются стихи о матери. Так в свое время я принял в сердце стихи тоже бамовского поэта Саши Астафьева. Так вошли золотом чувства и строки Олега Головки. Все мы — дети Матери-земли. Кто не чувствует себя сыном или дочерью, тот не гражданин и не поэт. Именно в этом еще раз убедил меня мой бамовский товарищ. За что ему большое сердечное спасибо!

«Амурская правда», 25 сентября 1988 г.

Справа налево: О. Головки, Т. Шульга, Н. Пузыревская,
Н. Дьякова, В. Бирюков. Тында, 1984 г.